

ИГОРЬ СТЕНИН

Караван

ТРОПОЙ НЕХОЖЕНОЙ РОСЫ

Игорь Стенин

Караван

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=15068812

ISBN 9785447436483

Аннотация

Афганистан. Середина 80-х. Идёт необъявленная война. Четверо советских разведчиков, находясь во вражьем тылу, преследуют караван с оружием. Смертельная опасность подстерегает их на пути. Тучи сгущаются над головами. Под покрывами случайной встречной самый юный из солдат встречает дар, ниспосланный свыше. Свою защиту и опору. Любовь по имени Мадина.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Караван Тропой нехоженой росы Игорь Стенин

*Ребятам, прошедшим сквозь пекло афганской войны, павшим
и живым, посвящается...*

© Игорь Стенин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Высота – несколько тысяч метров над уровнем моря.

Безжизненная скалистая местность.

Чужбина.

Он лежал на краю пропасти, лицом в небо, головой в бездну, ногами в горы, отброшенный взрывной волной из эпицентра боя, ни жив, ни мёртв, бездыханной окалиной войны ожидая её исхода.

Высоко и чисто было небо. Яркое солнце парило в нём. Глаза видели свет.

Детство. Глухой поздний вечер. Призрак радуги в огнях встречных уличных фонарей...

Едино было настоящее и прошлое.

И прорываясь сквозь зной, пыль и тьму рокового дня, отражением бесчисленного множества фонарей воссияла радуга – семь цветов вечного небесного начала открылись перед ним. Весы заколебались. Чаши пришли в движение. Жизнь вступила в противоборство со смертью.

Отчаянно перебирая ногами и руками, сдирая кожу ладоней о камни, извиваясь и скользя всем телом, он пополз прочь от пропасти.

Шёл 1985-й год. Жарким июньским днём накануне грядущего 20-летия гвардии рядовой Ограниченного контингента советских войск в Демократической Республике Афганистан Олег Свешников переживал своё второе рождение.

Сборы были недолги. Ввиду исключительной важности задания комбат провожал их лично. Разведгруппа из четырёх человек. Лучшие из лучших в соединении. На счету – не один выслеженный и уничтоженный караван. Сутками ранее границу перешёл очередной – согласно агентурным данным – груженный до отказа оружием, медикаментами, наркотиками и невесть чем ещё. Богаты закрома пакистанских покровителей контрреволюции, пока жива и ядовита гидра, не порастает быльём старинная караванная тропа.

Стоя перед вертолётom, комбат внимательно оглядывал каждого. Четверо бойцов, готовых к прыжку во вражье логово. Маршрут, как всегда, прежний, испытанный – длиною в человеческую жизнь.

Обветренное, обожжённое взрывом фугаса, обычно суровое лицо его, раскрепощено, по-отечески мягко и выразительно.

– Не попасться, выжить, вернуться... – шепчет он, обнимая своих сыновей.

Предрассветная мгла рассеивается. Натужно вращаются лопасти винтокрылой машины. Четверо занимают места внутри. Пятым – незримой тенью рядом – отец. Комбат.

Летели над самой землёй. Несмотря на ранний час, воздух был уже достаточно горяч и разрежен. Лопасты рубили его на пределе возможного, изо всех сил. И подъёмная сила, держа стальную махину на весу, брала верх над земным притяжением.

Горы, горы, горы... Южный полюс Афганистана. Выжженная солнцем голая пустыня. Царство каменного безмолвия. Кругом ни души.

Обнаружив удобную для посадки точку, вертолёт совершил облёт прилегающей территории, прощупал её своей тенью, сотряс эхом пулемётных очередей, дважды сымитировал приземление и, наконец, убедившись в относительной безопасности, завис в воздухе.

Спрыгнув на ровную размером с пятачок площадку, разведчики сели на корточки. Песок на зубах, гром в ушах, стена пыли перед глазами – волнующий момент встречи с землёй и одновременно немое прощание с пилотами. Буран, рождённый неистовством вращающихся лопастей, поднимаясь, взмыл в небо. Волна воздуха от разогретой до адского жара

каменной духовки, смыкая брешь, устремилась вслед за ним. Всё – одни на белом свете. Отныне никто не поможет и не спасёт. Началась автономная жизнь и работа.

Их первым укрытием стала пустая пещера, попавшаяся на непродолжительном пути вниз. Глухая и тёмная, с нависшим над входом массивным карнизом, неприступная снаружи, она походила на сооружённый самой природой ДОТ. Однако обольщаться, несмотря на, казалось бы, вечную гарантию безопасности, было небезопасно. Здесь, в душманском тылу, каждое подобное место, маня всех окрест, грозило стать фатальной западнёй в любую минуту. И потому после кратковременной передышки, переодетыми в национальную одежду местных воинственных пуштунов, крадущимися цепочкой – след в след – призраками, разведчики продолжили движение. Бесценной ношей за плечами одного из них находилось средство общения с внешним миром – советская портативная радиостанция.

Спуск, подъём, участок ровной дороги. Выбор пути один – максимум безопасности, минимум – комфорта. Метр за метром укрощённая горная тропа оставалась позади. Опясывая ближайшую скалу неизвестным будущим, она скрывалась впереди. Монотонное движение вслед за ней – единственная надежда и опора.

Шаг – и вдруг нога ушла в пустоту. Цепочка замерла. Центр тяжести качнулся в сторону.

– Стоять! – остановил цепную реакцию крик.

Тропа посыпалась. Твёрдая опора превратилась в камнепад. Впереди и позади не было будущего.

– Архимед на месте, остальные – вверх! – последовала команда.

Пуштун с ранцем за спиной, обратившись лицом к стене, слился с ней. Двое его товарищей, страхуя друг друга, ползком по каменной вертикали устремились в небо. Несколько минут подъёма. Наконец, первый, используя ступенями руки, плечи, голову второго, уцепился за край спасительного выступа. Отчаянная борьба, рывок – и вершина, уступая, покорилась.

Первопроходцы горной целины. Одолевшие первую высоту, рассевшись кружком, со скрещенными по-турецки ногами, они праздновали свою удачу. Пуштуны снаружи, «шурави» внутри. Ни потерянный пулемёт, ни канувшая в пропасть пара вещмешков, ни разодранная о камни одежда не могли омрачить общей радости.

Пот лил градом, стучали барабанным боем сердца, ходящие ходуном лёгкие жадно просеивали воздух в поисках вожделенного кислорода. Жизнь вопреки всему продолжалась.

Командир утёр рукавом лицо, ухватился за головной убор и, сняв его, обнажил стриженую ёршиком голову.

Лейтенант Владимир Дёмин. Худощавый, тонкокостный, с выразительным взглядом красивых серых глаз, боевой советский офицер дворянской крови бескомпромиссно свёл счёты с чужой личиной.

Следуя примеру своего командира, вторым избавил голову от отсыревшей тубетейки сержант Куманёв.

Солнце озарило коренного сибиряка – простого сына русской земли, беспрекословного исполнителя приказов, полного безудержной отваги и мужества прирождённого пехотинца.

Принимая эстафету, сдвинул чалму на затылок начальник радиостанции прапорщик Файзуллаев.

Чуждый мира материальных, семейных и прочих ценностей, с малых лет посвятивший себя армии, днём и ночью живущий исключительно одной лишь страстью – беззаветной службой Отечеству, бритый наголо казанский сирота на пике своего счастья открылся свету.

Ритуальное обнажение голов закончилось. Головной убор четвёртого пуштуна покоился на дне безымянного ущелья. Солдат первого года службы Олег Свешников, призывник из ладожской деревни Кобона, был самым молодым в группе. В меру скромный, щуплый,

среднего роста, среди всех он казался белой вороной. Мальчишка. Однако первое впечатление было поверхностным. Все сомнения рассеивал взгляд. Прямой, открытый и решительный, он убеждал – обстрелян.

Командир разлепил потрескавшиеся губы.

– Добро пожаловать в горы! – хрипя, сказал он. – Прочь все стеснения. Чувствуйте себя как дома.

– Самое время пустить корни, командир! – улыбнулся прапорщик.

Лейтенант не ответил. Внимание его приковал модельный полубокс Свешникова.

– Где твоя панама, боец? – обратился старший к младшему.

Олег растерялся. Машинально провёл ладонью по макушке. Перед глазами промелькнули подробности стремительной эвакуации с тропы. Момента расставания с головным убором он не помнил.

– Панама в чистилище «духов», – пришёл ему на помощь сержант. – Там же, где и пулемёт.

– Да, – поддакнул рядовой, виновато пожимая плечами.

Лейтенант сунул руку за пазуху, нащупал пригретую запасную бескозырку и, вытащив её, бросил ему.

– Прикройся, – велел он. – Твоя голова в этих горах – второе солнце.

Довольный преображением солдата, лейтенант успокоился и взглянул на часы.

– Через час выход на связь, – сказал он. – Подъём. Используем время с пользой.

Через минуту все были на ногах. Построившись, привычным походным маршем разведчики продолжили движение.

Хотя солнце стояло ещё высоко, день шёл на убыль. Удушливая жара постепенно сменялась свежестью. На пятом часу пути горы расступились и безнадёжный лунный ландшафт расцвёл буйными красками земной растительной жизни. В то время как сержант Куманёв занимал позицию наблюдателя на самой высокой точке соседнего каменного кряжа, рядовой Свешников прикрывал тылы, двое – лейтенант и прапорщик – остановились перед волшебным оазисом, не в силах произнести ни слова.

– Красота какая! – наконец, нашёлся прапорщик. – Товарищ лейтенант, будь вы писателем, смогли бы описать её пером?

– Все тексты уже написаны, – отозвался лейтенант. – Давным-давно. Тайнописью вечности.

– Вечности?

– Да. Функция писателя увидеть её, почувствовать, открыть, как этот райский сад. Проявить своим огнём.

– Это и есть так называемая классика жанра?

– Она самая.

– И как бы вы начали свою повесть, товарищ лейтенант?

Лейтенант устремил взгляд вдаль. Море горных цветов открылось ему. Торжество мира, добра и любви. Налюбовавшись, он повернул голову к прапорщику.

– Если у тебя есть два хлеба, продай один и купи нарцисс. Ибо нет лучшей пищи для души, чем этот цветок.

– Это вы сказали? – изумился прапорщик.

– Пророк Магомет. Хороший эпитаф?

– Да-а-а...

Вооружённый биноклем зоркий глаз сержанта Куманёва уловил признаки присутствия человека. На расстоянии нескольких километров слева вился в небо одинокий сизый дымок.

Куманёв привлёк внимание Дёмина. Подал сигнал опасности. Бесшумно знаками указал направление и координаты.

Покончив с осмотром природной достопримечательности, лейтенант и прапорщик сняли лишний боезапас, оставили радиостанцию, клацнули затворами автоматов и устремились навстречу дыму.

Они приблизились к нему параллельными маршрутами с двух противоположных сторон. Особой тревоги не было. Враг ли, мирный дехканин, либо сам хозяин гор, разведа огонь в открытую, лишался шанса управлять событиями.

Глаза напряжены, чувства обострены, все реакции на взводе. Одолевая последний отрезок пути, разведчики заняли доминирующие позиции, скрестили прицелы и взяли всё пространство между собой в мёртвые тиски.

Огонь оказался беспризорным. Чадили брошенные неведомо кем угли. Не получая должного питания извне, они были обречены.

Дождавшись конца представления и удостоверившись в том, что продолжения не будет, разведчики поднялись со своих мест. Обескураженные и разочарованные. Дым самоликвидировался. Иного выбора как, поступившись охотничьим азартом, смириться и удалиться восвояси не было.

Сумерки застали разведчиков на марше. Приближалось время очередного сеанса связи. Остановив группу, лейтенант приказал искать место для безопасного ночлега. Сам, подхватив радиостанцию и отделившись, поспешил уединиться на ближайшей высоте.

Удача улыбнулась прапорщику. После непродолжительных поисков он наткнулся на небольшой водопад. Ниспадая с небольшой высоты, он закрывал вход в настоящий грот. Тайная полость была практически невидима снаружи. Благодаря небольшому воздушному зазору между ней и водой попасть внутрь и выйти можно было беспрепятственно – совершенно сухим.

Убежище было оценено по достоинству. С лёгкой руки прапорщика встреча с ним превратилась в потешный аттракцион. По команде сержант и рядовой ступали за воду, сливались с ней и после непродолжительного отсутствия выходили наружу – парой весёлых, смеющихся и беззаботных молодцов.

Общая радость стихла при появлении лейтенанта. Лицо его было сосредоточенным и хмурым. Солдаты мигом прекратили игру и поспешили принять приличествующий моменту вид.

Лейтенант молча подошёл к водопаду. Снял радиостанцию с плеча, осторожно опустил её на камни, сложил ладони лодочкой, утопил её и полную до краёв поднёс к лицу.

– Бр-р, – умылся вместе с ним прапорщик.

Жмурясь и отряхиваясь, лейтенант повернул голову в его сторону.

– Файзуллаев!

– Я!

– Ужин через десять минут.

– Есть!

Прапорщик не подвёл. Ровно через 10 минут четыре банки солдатской каши, котелок горячего чая, сахар, сухари и улыбка до ушей были поданы к походному столу.

Лейтенант встретился взглядом с кудесником.

– Напомни нам, прапорщик, за что ты заслужил своё прозвище?

– Меняю настроение, командир, – весело откликнулся прапорщик. – Личной опорой – на земле, в небесах и на море.

– Точно. Молодец. Так держать и впредь.

– Есть!

Группа разделилась. Вызвавшийся добровольцем, Свешников отправился нести вахту дозорного. Трое сели ужинать.

– Какие новости, товарищ лейтенант? – спросил прапорщик, подавая порцию командиру.

– Привет от штаба.

– Спасибо. А что насчёт нашего каравана?

– Идёт следом. Цел и невредим.

– Близко?

– Километрах в пятидесяти от нас.

– Фью! – присвистнул прапорщик. – Выходит, нас рано высадили?

Лейтенант промолчал.

– Надеюсь, сегодня ночью он нас догонит, – после паузы высказал своё предположение прапорщик.

– Надеюсь, – отозвался лейтенант.

– Лошади дрессированные, – подхватил Куманёв. – Пятьдесят километров по козым тропам для них пустяк.

– Жаль лошадей, – сказал лейтенант.

– Не надо их жалеть, – безапелляционным тоном заявил прапорщик. – Они животные. За корм служат и вашим, и нашим.

– Ты неправ, прапорщик, – возразил лейтенант. – Лошадь – благородное животное. Божья тварь, как говорили наши предки.

– Божья? – переспросил прапорщик. – Это в каком смысле?

– В натуральном. Бог ценит и любит её.

– Вот как! Значит, по-вашему есть Бог на свете?

Лейтенант задумался.

– Ответьте, товарищ лейтенант, – призвал прапорщик. – Неужели вы верите в это? Скажите, только откровенно, без околичностей, в духе нового мышления и перемен.

– Бог есть, – открылся лейтенант. – Для меня он – Правда. Высшая сила, что управляет миром и судьбами людей.

Прапорщик откинул голову назад. Признание ошеломило его. А между тем святое командирское слово всегда следовало воспринимать на веру – как настоящую прописную истину.

– А мы здесь, на чужой земле, за кого? – тихо спросил он. – За неё, за правду?

– Да, – с жаром ответил лейтенант. – Мы ратники великой страны. За нами мать всех земель, созидания и добра – одна шестая часть земной суши...

Сидя на корточках и уплетая свою порцию каши, Олег задумчиво смотрел вдаль. Солнце скрылось за горными вершинами. Темнота подкрадывалась со всех сторон. Первый день рейда по вражьему тылу был позади.

Завтра ждала исполнения самая важная часть задания – встреча с караваном. Установить визуальный контакт, определить количество транспортных средств, тип, назначение груза, состав и численность охраны. Выражаясь языком лейтенанта, сесть «духам» на хвост.

Задача не из лёгких. Но и они не лыком шиты. Лейтенант Дёмин, Кум, Свеча и Архимед.

Главное – не пасть лицом и духом. Не подвести товарищей. Всего полгода службы на передовой дали свои плоды. Он научился контролировать себя, держа все чувства и инстинкты в ежовых рукавицах.

Зажглись звёзды в небе. Ушёл в дозор сержант. Лейтенант и прапорщик, о чём-то переговариваясь между собой, скрылись в гроте. Кругом воцарилась тишина.

Ночь. Время, неподвластное человеческому контролю. Раз в несколько суток Олегу снился первый бой. И нервы сдавали.

– Нельзя кричать, нельзя! – твердя себе, выскребал он со дна банки остатки каши.

Заклинание. Повторенное перед сном не один десяток раз, оно должно было обрести чудодейственную силу и сработать. Долой слабинку, нет крику.

Покончив с ужином, Олег поднялся. Убрал следы трапезы. Передохнул, сжал кулаки и быстрым решительным шагом устремился вперёд во тьму – на шум незримого источника ночного страха – водопада.

Глава вторая

Иней серебрился на полозьях санок. Холод пробирал до пят. Под ногами – полуметровый лёд.

Бухта Петрокрепость. Впереди – Ладожское озеро. Вокруг – в нескольких километрах пути – берег.

Идёт косяком в полон рыба. Подлёдный лов в разгаре. Верёвочный конец сети в руке. Кипит вода в двух полыньях. У рыбьей жизни нет шансов.

Внезапно всё изменилось. Свалившись с неба, защитник пришёл на помощь рыбе. Сильным броском он повалил рыбака в снег и начал душисть.

– Подъём! – услышал Олег голос.

Открыл глаза.

Услышанный, Архимед разжал руки.

– Приведи себя в порядок, – сказал он, отступая. – И дуй на смену командиру. Он уже пятый час в дозоре. Оружие с собой не бери. Воспользуешься автоматом лейтенанта.

– Есть, – ответил Олег.

Поднявшись со своего жёсткого ложа, рядовой поёжился. Внутри грота было свежо и сыро. Прозрачная стена воды преграждала выход. Слабый утренний свет едва пробивался сквозь неё. Идя ему навстречу, Олег коснулся воды, умылся наскоро и выскользнул наружу.

Шорох заставил сидящего настороже лейтенанта обернуться. Как ни старался Олег двигаться, паря в воздухе, предательская галька, рассыпаясь на пути, выдала его. Глаза командира и рядового встретились. Играть дальше в невидимку было бессмысленно и рядовой поспешил восстановить контакт с землёй всей тяжестью своего тела.

– Здравия желаю, товарищ лейтенант! – поздоровался он, достигнув секретной позиции.

Лейтенант ответил кивком. Естественный горный дувал окружал его с трёх сторон. Знаком он предложил рядовому занять место рядом с собой.

Усевшись, Олег обратил внимание на пустые руки лейтенанта. Командир был безоружен. Рыскание взглядом по сторонам. Тщётно. Ни малейшего признака самозащиты.

– А где автомат? – хотел было вскричать Олег, но Дёмин опередил его.

– Спал? – спросил он.

– Да.

– Что снилось?

Олег вздохнул.

– Дом. Зимняя рыбалка. Я родом из рыбных мест. Деревня Кобона Ленинградской области. У нас там все сплошь рыбаки.

– Хороший сон.

Глаза Олега лихорадочно блестели. Разговор был ему в тягость. Мерещились ползущие отовсюду «духи». Чем встретить их? Земля уходила из-под ног.

Подобная проблема, казалось, нисколько не волновала лейтенанта. В своей афганской с головы до пят одежде он выглядел более чем естественно, не просто бесстрастным – каменным идолом.

– Ты мне на смену? – спросил он.

– Что? – переспросил Олег.

– Дрожишь, – заметил лейтенант. – Что, зябко?

– А-а-а... – не нашёлся что ответить Олег.

– Зимняя рыбалка, – улыбнулся лейтенант. – Где как не здесь, на летнем солнцепёке, в горах, она так к месту.

Слова достигли сознания. Приходя в себя, Олег уставился на лейтенанта. Неподвижный и хладнокровный, тот сидел, излучая ауру мира и покоя. Поиски автомата утрачивали смысл.

– А вы спали? – спросил Олег, слегка успокаиваясь.

– Я сплю с открытыми глазами. Что вижу перед собой в реальном времени, то мне и снится.

Здорово, подумал про себя Олег.

– Это, конечно, аномалия, профессиональный атавизм, – продолжал лейтенант. – Боюсь, мне уже от него не избавиться. Буду мучиться всю оставшуюся жизнь.

– Зато здесь, на войне, это большое достоинство. Никто не застанет вас врасплох. Вы всегда успеете проснуться.

– Успею, – согласился лейтенант. И, заканчивая разговор, поднялся.

Смена дозора.

– Наше главное оружие – голова, – сказал рядовому командир, уходя. – Оставляю тебе тишину. Постарайся не спугнуть её.

Проводив командира, Олег осмотрелся. Прямо перед собой увидел автомат. Стоя дулом вверх, тот прятался в небольшой нише посреди дувала.

Два соединённых валетом рожка, граната в подствольнике и ударный рукопашный приклад. АКМ – в полном боевом снаряжении.

– Наше главное оружие – голова, – сказал сам себе Олег.

И, подавляя дикое желание вооружиться, занял место безоружного лейтенанта.

Тишина.

Священно и неприкосновенно её царство.

Стрельба запрещена.

Приграничная провинция Кандагар. Край Афганистана. Важнейший транзитный участок транспортной артерии Кабул – Кандагар – Герат, связующей восток, юг и запад страны.

Южнее – провинция Нимроз. «Нимроз» – в переводе «полдень». Стоящее в зените круглый день солнце, пятидесятиградусная жара и ни капли воды с неба.

Грезятся миражами тучные поля, рощи, виноградники, сады... Орошаемая водой из самодельных арыков благословенна и щедра древняя земля.

Всё в прошлом. Ныне вместо житницы Великого Шёлкового пути перед глазами одна пустошь, пылящая белая глина, песок. Жизнь ушла, спрятавшись в водах реки Гильменд, да считанных подземных колодцах – кяризах. Некому пахать, сеять, растить и собирать урожай.

Редкая птица по доброй воле залетает сюда.

Юг Афганистана. Край вечного лета, кочевников и непуганных душманов.

Излюбленное зимнее лежбище бандитского отребья всх мастей.

Поиски удобной и безопасной для наблюдения точки заняли несколько часов. Хотя выбор был довольно скуден, разведчики постарались. Лучшего места вокруг было не сыскать. Перевал – место появления гостей из-за кордона – был виден как на ладони. Самих же наблюдателей мог обнаружить разве что зоркий глаз горного орла. И то ему пришлось бы изрядно потрудиться – укрытая специальной маскировочной сетью, сливаясь с окружающим ландшафтом, позиция была практически невидима.

Жарко под сетью. Большая каменная глыба, отражая солнечные лучи, прожигает живые тела насквозь. Четверо лежат на ней лучами большой распущенной ромашки. Мучаясь и обливаясь потом, разведчики работают. У каждого свой сектор наблюдения.

– Товарищ лейтенант, – подал голос прапорщик.

– А?

– Вы живы?

Лейтенант промолчал.

– Другого ответа я и не ждал, – вздохнул прапорщик.

– Отставить, прапорщик, – еле слышно отозвался лейтенант.

– Есть, – откликнулся прапорщик. И спустя минуту продолжил:

– Ждать и догонять – хуже некуда. Особенно на войне.

– Какие будут предложения? – поднял голову лейтенант.

– Отпустите в ночное, товарищ командир! Состояние критическое. Организм требует разрядки.

– Кровь запеклась, – поддержал Файзуллаева сержант.

Улыбка тронула губы командира.

– Сами виноваты, – произнёс он. – Не следовало поддаваться эмоциям. Нереализованные, они губят людей на корню.

– Точно! – подхватили в один голос обе жертвы.

Лейтенант взял время на раздумье.

– Хорошо, – сказал он через минуту. – Разрешаю прогулку в ночное время. Босиком туда и обратно.

Реальность преобразилась. Повеяло свежим ветром. Жить и работать стало веселей. И лишь одному из разведчиков – самому молодому – было всё равно. Отрешённый сном с открытыми глазами, он находился за пределами общения товарищей – в ином обществе, наедине с самим собой. Смотря вперёд, он видел воздух. Прозрачный, неподвижный, горный...

...Утро 7-го января. Моросил мелкий нудный дождик. Измотанная долгой безуспешной погоней за бандой рота входила на территорию дружественного революционным властям большого горного селения.

Дымились жаркие печи-тандури, нёсся по воздуху аромат простой и сытной еды, чудились полные радушия и дружелюбия лица местных жителей.

Светла, чиста и притягательна была отдушина восточного гостеприимства.

Рай распахнулся перед солдатами.

Иллюзия рассеялась выстрелом базуки. Гром грянул среди ясного неба. Снеся башню идущего впереди бронетранспортёра, он бросил роту наземь, лицом в грязь.

Шквальный обстрел. Минуты долгого запоздалого прозрения. Команда. Придя в себя и поднявшись, рота бросилась на штурм.

Искусство ближнего огневого контакта. Преподанное курсом в учебке, оно откликнулось работой пространственной и мышечной памяти. Противник был невидим. Солдаты вели дуэль с ним, стреляя во весь белый свет из всех возможных положений на ходу.

Узкая извилистая улочка кишлака. Дувал слева, дувал справа, позади – стена.

Внезапно автомат заглох. Остановка. Отчаянные клацания затвором. Конец патронам.

И тут, как по команде, явились они. Враги, обуреваемые жаждой рукопашной.

Два вышедшие из глубины веков бородатых горца. Мальчишка-комсомолец перед ними. Учебный сценарий иссяк. Кто кого? Ответ мог дать только реальный бой.

Отринув страх, Олег воспользовался подствольным гранатомётом.

Выстрел.

Граната угодила в плечо душману, пробила плоть, свалила с ног и затаилась.

Атака бородачей смешалась. На мгновение.

Придя в себя, уцелевший второй демонстративно отбросил винтовку и с голыми руками двинулся навстречу.

Олег поднял приклад.
Душман рассмеялся.
Граната сдетонировала.
Взрыв.

Смерть обдала рядового своим дыханием. И отступила, щадя и унося с собой добычей жизни врагов.

Победа далась большой кровью. Кишлак перестал существовать. Рота поредела наполовину.

Мужское начало победителей торжествовало. Каменели опалённые огнём сердца. И лишь душа, крича ночью во сне, сопротивлялась боевому крещению. Уязвимая и беззащитная, она оставалась верна себе. Живой.

Лейтенант сдержал слово. Едва ночь вступила в свои права, он выскользнул из-под маскировочной сети, поднялся, размял мускулы и короткой командой отпустил группу на все четыре стороны.

– Файзуллаев, – напутствовал он уходящего прапорщика, – увольнительная на два часа. Вернуться в срок. Не вздумай заблудиться.

– Как можно, товарищ лейтенант? У меня локатор внутри. Я реагирую на живое тепло. Главное, чтобы вы ни в коем случае не сходили с этого места.

– Свободен, Архимед.

Довольный Файзуллаев с автоматом в руке исчез.

Куманёв и Свешников, получив свой наказ, отправились в противоположную сторону.

Дорога шла под уклон. Несмотря на определённые физические усилия движение было не просто отдыхом – полётом.

– Кум! – окликнул сержанта рядовой, еле сдерживая ноги, рвущиеся в бег.

– Что?

– Как думаешь, лейтенант уже отключился?

– Не знаю. Я бы на его месте воспользовался моментом.

– Интересно, а ты знаешь, что наш лейтенант всегда спит с открытыми глазами?

– Лейтенант?

– Ага.

– Ерунда. Не верю. Сон есть сон. Раз в сутки, но надо вырубиться.

– А ты когда-нибудь видел его закрытые глаза?

Вопрос привёл Кума в замешательство. В поисках ответа невольно он оглянулся назад. Кромешная тьма смотрела им вслед. Живая двумя горящими зрачками. Вздрогнув, он поспешил вернуться в исходное положение.

– Чего только не бывает на свете, – тихим голосом сказал он. – Если это правда, я не против – пусть спит зрячим.

Ночная свежесть и неутомимый шаг, оживляя, веселили кровь. Луна висела в небе, освещая краешек горного массива впереди. Серебро затмевало золото, прохлада сменяла жару, луна объявляла начало собственного пира, созывая на него всех избранных. Неистовое желание откликнуться и присоединиться к лунному празднику владело солдатами.

Путь преградил звук. Внезапный и неожиданный, он отозвался оглушительной сиреной в мозгу.

– Ш-ш-ш, – остановился сержант, снимая автомат с плеча.

Насторожившийся рядовой последовал его примеру.

– Забыл, где мы? – обратился старший к младшему. – Здесь каждый камень под ногами хранит след душмана.

– Я это помню.

– Хоронимся, – принял решение сержант.

Ночь, как известно, пора особая. Стирая многоликость и краски дня, она обостряет чувства и развивает воображение. Открой шире глаза, сосредоточься, напрягись и перед тобой явится всё, что только не пожелаешь.

Эхо, скатываясь с горных вершин, несло во весь опор навстречу. Осыпалась каменная порода по пути. Всё ближе и явственнее был страшный топот.

– Пригнись, – шепнул сержант, оседая.

Увы, предосторожность была излишня. Миновать встречи не удалось. Ночной ужас, настагая, обрушился на них.

Борьба, шум, крики. Хаос. Силы были неравны. Пал сержант. Потерял опору под ногами рядовой. Одержав победу, стихия оставила их и бешеным порывом устремилась вверх по тропе.

Несколько минут солдаты лежали молча, приходя в себя.

– Возвращаемся, Свешников, – сказал, наконец, Куманёв. – А ну её, эту луну.

– Ага.

– Я бил насквозь, – оправдываясь, продолжил сержант. – Ты мой удар знаешь. Я всё-таки чемпион роты.

– Знаю, – подтвердил рядовой. – Только в таких случаях бокс бесполезен. У него преимущество. Стрелять надо.

– Душман обкуранный! Свалился прямо на голову. Вокруг тьма – хоть глаз коли, а ему в самый раз.

– Мы первые на его пути, – заметил Свешников. – Если он не свернёт, лейтенант – следующий.

Представив командира на своём месте, оба встрепенулись.

– Ходу, Свеча! – крикнул Куманёв, поднимаясь.

Рядовой оказался прав. Секретная позиция открылась перед ночным призраком. И здесь они встретились. Неутомимый воин анаши и спящий лейтенант.

Когда, одолев подъём, запыхавшиеся солдаты подоспели на подмогу командиру, всё было кончено. Завороженные потрясающим зрелищем, оба остановились и замерли. Вселенская идиллия торжествовала. Лицом в небо, добычей хищника, в объятиях мёртвого удушьющего захвата, душман лежал на лейтенанте, храня безмолвный покой.

Послышался шорох сзади. Они оглянулись. С тропы на площадку шагнул Архимед.

– Расступись, бойцы!

Пройдя вперёд, прапорщик сделал несколько шагов, остановился и уставился на лежащих.

– Твоя работа, прапорщик? – прохрипел из-под душманского тела лейтенант.

– Виноват, командир! – склонился над ним прапорщик. – Вспугнул зайца. Этот зверь в ваших руках – моя реализованная эмоция.

– Вставь ему кляп в рот. Зубастый очень.

– Есть!

Отпущенный, с кляпом во рту, душман вытянулся перед Архимедом. Смирительная рубашка лейтенанта временно вывела его из строя. Лишённый возможности соображать что-либо, он жаждал одного – продолжения движения.

– Туда, – сказал ему на языке пушту Архимед. И указал дорогу.

Душман рванулся во тьму, пробежал десяток шагов и пропал.

Неприкаянных душ бездны прибыло.

Ночной призрак, угомонившись, обрёл тьму и неволю последнего приюта.

– Бойцы, – обратился командир к солдатам, поднимаясь. – Оправиться, отдохнуть...

– Не надо отдыха, – запротестовал сержант.

– Так точно, – поддержал товарища рядовой.

Лейтенант кивнул.

– Идите к перевалу, – сказал он. – Забейтесь в щель, замаскируйтесь и ждите. Караван близко. Нельзя допустить маху. Мы должны увидеть его первыми.

Остаток ночи прошёл в относительном затишье. Как ни ждали разведчики встречи с караваном, усилия оказались напрасны – тот не появился.

Небо светлело. Луна, постепенно теряя свою силу и влияние, гасла. Близился рассвет. Время завтрака. Обретя покой под маскировочной сетью, группа делила нехитрый солдатский харч. Банка гуляша, чёрствые сухари и фляжка воды на всех. Во рту сухо, желудок сжался до величины напёрстка, лишние калории не нужны. Питает электричество. Удары сердца, работающего неутомимым пламенным мотором.

– Товарищ лейтенант, как ваше самочувствие? – спросил прапорщик, встречая новый день.

– Спасибо, ничего, – ответил лейтенант.

– Рад слышать. По итогам суточного противостояния с «духами» счёт один – ноль в нашу пользу.

– Рано подводить итоги. Твой ночной зверь не последний. Наверняка неместный – из разведки. Как ты пересёкся с ним?

– Темно было. Столкнулись с ним лоб в лоб. Поначалу он брататься полез, потом чего-то раздумал, взбрыкнул и побежал. Догнал я его уже здесь.

– Он налетел на меня как полоумный, – сказал Дёмин. – Рвал и метал, хотел навсегда заикой сделать.

– Знато вы его обезвредили, товарищ лейтенант. Лишили всех степеней свободы. Точь-в-точь, как муравей муравья своими мандибулами.

– Переживал очень, боялся – упусти, шум поднимет, бойцов напугает, лишнее внимание привлечёт. А нам это ни к чему.

– Так точно.

Лейтенант оглянулся. Двое бойцов лежали сзади, забывшись мёртвым сном – измученные бессонной ночью и удушьем наступающего марева.

– Спят соколики? – спросил прапорщик.

– Спят, – ответил лейтенант. Вернувшись в исходное положение, устремил взгляд на перевал. – Смотри в оба, Архимед. Нам с тобой спать нельзя. День – время «духовской» разведки.

Время в горах совсем не то, что на равнине. Порой здесь случаются чудеса – заколдованный круг стрелок внезапно размыкается, часы исчезают и день уступает место бесконечности.

Гипнотизируя находящийся впереди пустой перевал, лейтенант не заметил как утратил бдительность, ступил на зыбкую стезю и потерялся во времени.

Свято место пусто не бывает. Он увидел то, что хотел увидеть больше всего на свете – свою жену и дочь. Никаких гор, дефицита кислорода, тяжёлой изнурительной работы. Мир и покой. Отдых. Смеётся двадцатилетняя Олеся, лучатся счастьем глаза полторагодовалой Ксении, начинается свой разбег игрушечная карусель с лошадками. Один круг, другой...

Лейтенант вздрогнул. Глаза открылись. Ледяной озноб сотряс его. По перевалу двигались живые лошади. Ведомые под уздцы людьми, навьюченные до отказа грузом, вереницей, одна за другой, они воплощали течение потерянного времени. День возвращался на круги своя.

Головная лошадь скрылась из виду. Немедленно сзади появилась новая. Чёртова дюжина движущихся животных и людей, сменяясь, занимала открытое пространство перевала.

Лейтенант повернул голову. Встретился взглядом с прапорщиком. Обменялся с ним неммым недоумением. По какой-то неизвестной причине караван нарушил неписаное правило – предпочёл ночному движению дневное. Явился на белый свет во всём своём убранстве и красе. И – никакой разведки.

– Совсем обнаглели «духи», – шёпотом отозвался Архимед. – Страх потеряли. Под «Красный Крест» маскируются.

Лейтенант задумался.

– В любом случае, – принял решение он после недолгой паузы, – наш этот караван или не наш, нас ему не миновать. Садимся на хвост.

Сказано – сделано. Мобилизовавшись, за считанные мгновения разведчики покинули место дневки. Устремились на «крышу» ближайшей горы, одолели сопутствующие препоны, достигли крошечного пятачка и, распластавшись на нём, подобно птицам в полёте, замерли над обрывом. Внизу змеилась, уходя на равнину, узкая тропа. Отрада пешему, опора конному. И – награда из наград наблюдателю.

– Контакт установлен, – спустя час посредством радиосвязи докладывал штабу лейтенант Дёмин. Лицо его было красным, голос – глухим, сохранять привычную бесстрастность удавалось с большим трудом. – Восемьдесят лошадей, – продолжал он. – Охрана обычная, вооружена автоматами и винтовками. По виду груз – торговый, мануфактура и продовольствие. Приоритетное направление – Кабул.

Штаб принял донесение. Ответным словом велел группе уходить на заранее оговоренную позицию и ждать ночной эвакуации. Отключив радиостанцию, Дёмин обвёл взглядом группу. Лицо его прояснилось.

– Груз сдан, – сказал он. – От лица командования объявляю всем благодарность.

– Самолётов на финише? – спросил прапорщик.

– Как всегда, – ответил лейтенант.

– А если... – начал было прапорщик.

– Никаких «если», – оборвал его лейтенант. – Вспомни, почём «духи» ценят голову Самолётова.

– Дороже лётчика.

– То-то.

Оставаться далее на высоте птичьего полёта было небезопасно – восходящие тепловые воздушные потоки грозили унести ввысь. Чувства захлёстывали. Желая ни пуха, ни пера своему товарищу – непревзойдённому мастеру убоя караванов капитану Самолётову – разведчики снялись с места и устремились вниз.

Согласно давней и устоявшейся традиции проводы выслеженного каравана должны были быть обмыты. Пущенная по кругу банка сгущёнки опустела в мгновение ока. И, как обычно, принесла долгожданное расслабление.

– Пойду сегодня в ночное, командир, – заявил прапорщик, возбуждённо блестя глазами.

– Мы все туда пойдём, – сказал лейтенант, улыбаясь. – У тебя будет большая и дружная компания.

– Покурить бы, – мечтательным голосом выразил своё желание Куманёв.

– Цыц! – одёрнул его прапорщик. – Нашёл забаву. Забыл, как у салаг уши опухают? Здесь тебе не санаторий, откачивать и лечить некому.

– Верно, – поддержал прапорщика лейтенант. – Табак – наш враг. Одним дымом от него не отделаешься.

– Какая же это сладкая мука, – зажмурился сержант, – хотеть – и не мочь.

Сочувствуя, все промолчали.

– Воспрянь, страдалец! – вдруг оживился прапорщик. – Глотни эликсира.

Востребованная с лёгкой руки прапорщика банка вновь вернулась в круг. Внутри ни капли – пусто, жёсть зазубрена и остра, но разве остановишь этим жажду! Один за другим разведчики припадали к краям и пили, пили, пили, уже не молоко – горный воздух. Хмель ударял в головы, по телу разливалась приятная истома, работал эффект памяти заветных боевых ста грамм...

Первым закрыл глаза, склонил голову и выпал из круга рядовой. За ним – сержант. Устоявшие, прапорщик и лейтенант проводили их взглядами. Переглянувшись, улыбнулись.

– Тара требует утилизации, – сказал командир. – Больше она нам не понадобится.

– Ясно, – кивнул прапорщик.

Лейтенант прикрыл глаза.

– Как ваше самочувствие, товарищ лейтенант? – поинтересовался прапорщик.

– Сегодня я видел своих, – сказал Дёмин. – Мельком во сне. Ксюху и Олесю. Они живы – здоровы. Значит, и я тоже.

– Они ваши ангелы – хранители, командир.

– Да, – открыл глаза лейтенант. – И потому никак нельзя их подвести. Собирайся. Идём в дозор, Архимед.

Часы остановились в 4 пополудни. Поднеся циферблат к уху, лейтенант слышал в ответ лишь мёртвую тишину. Пытаясь рассеять охватившее его беспокойство, он вскочил на ноги, отчаянно потряс рукой и попытался восстановить движение всеми возможными способами. Тщетно. Стрелки не шевелились. Он осмотрелся вокруг. Короткое забытье вывело его из строя. Рядовой и сержант на высоте в дозоре. Здесь, в глухой впадине, они с Архимедом вдвоём. Всё под контролем. Так почему же остановились часы?

Он нашёл Архимеда за ближайшим выступом. Тот сидел на корточках перед радиостанцией, обхватив руками голову. Чалма и верхняя одежда были брошены на землю, мускулистый торс обнажён. Поза вышедшего из затяжного изнурительного штопора пилота.

– Что случилось? – навис над ним лейтенант.

Архимед опустил руки, повернул голову и вздохнул.

– Укатали Сивку крутые горы, – с горечью сказал он. – Сдохла техника. Короткое замыкание.

Дёмин сел рядом с ним.

– Не может быть, – заявил он. – Это советская радиостанция. Дождь, снег, зной, да её пули насквозь прошивали! Вспомни – и она работала.

– Короткое замыкание, командир, – повторил чужим голосом прапорщик. – Пришёл её час. Сгорела наша напарница.

Лейтенант обхватил голову руками.

– Я ещё до высадки заметил неладное, – продолжал прапорщик. – Шалил приём, заплелся и глож на полуслове.

– Почему не предупредил?

– Сами говорите – её пули прошивали. Кто знал? Я тоже думал – она бессмертная.

Лейтенант утёрся ладонями. Потеря радиостанции была страшным ударом. Стрешнее не придумать. Отчаянным усилием воли он взял себя в руки.

– Разбери её до последнего винтика и собери заново, – приказал он прапорщику. – Опробуй приём в разных точках. Если понадобится, дай ей свою кровь, наконец. Действуй, Архимед.

Прошёл час. Несмотря на все предпринятые Архимедом усилия радиостанция молчала. Охваченный горячкой прапорщик хотел было продолжать работу, но лейтенант, убедившись в её безнадёжности, смирился с неизбежным.

– Всё, Архимед, – остановил он его. – Это конец. Брось. Дальше нам с ней не по пути. Хорони её.

Слова командира достигли цели. Приходя в себя, прапорщик уселся на землю.

– Да, – сказал он, утирая руки. – Ушла она – как была, живая... Ничего. Похороны будут по высшему разряду. Ни одна собака не узнает, где она зарыта. Это я вам обещаю.

Часы пошли, едва стемнело. Обратив внимание на движение секундной стрелки, лейтенант услышал ход ожившего времени. Атмосфера была накалена. Первый удар приняла на себя радиостанция. Связь прервалась. Но заменой ей в запасе оставались две сигнальные ракеты – верное средство не пропасть без вести.

Они были готовы уже двинуться ночью, как вдруг из-за спины, с перевала, донёсся приглушённый шум. Рассеявшись по сигналу командира и укрывшись, разведчики притаились. Вскоре в поле зрения появился Свешников. Рядовой прикрывал отход.

– Что? – бросился к нему Дёмин.

– Три лошади, двое пеших, один всадник и ... – рядовой запнулся, – коза.

Лейтенант и прапорщик переглянулись.

– Силы равны, – сказал лейтенант. – Грех не воспользоваться таким случаем. Проверим «Красный Крест» на вшивость.

Захват был внезапным и стремительным. Лошади учуяли засаду, мотая головами и фырча, подняли тревогу, но было поздно. Рванувшиеся со всех сторон из тьмы тени смешали небо и землю. «Красный Крест», пав, распростёрся под лошадиными копытами и уткнулся лицом в камни.

Отбой.

Куманёв бросился в погоню за рогатой скотиной, Свешников начал успокаивать лошадей, прапорщик и лейтенант занялись пленными. Ноги держали плохо. Ужас владел людьми. Один был благообразным старцем в пуштунской накидке пату, второй – молодым мужчиной в долгополом хазарейском кафтане, третий оказался закутанной в паранджу женщиной. Прапорщик поспешил привести их в чувство. Услышав речь на пушту, старец поднял голову, обрёл опору и оживился. Мирный разговор дал свои плоды. Спустя несколько минут обстановка слегка разрядилась.

– Нашёл общий язык? – подводя итог, прервал разговорившегося прапорщика лейтенант.

– Нашёл, – откликнулся прапорщик. – Как говорится в святом писании – в начале было слово.

– Да, – согласился лейтенант. – Какое оно красивое и цветастое. Ласкает слух. Жаль, что чужое.

– Старик говорит на дари – языке придворных, – пожал плечами прапорщик.

– Афганистан – страна баев и ручного рабского труда, – заметил Дёмин, пристально смотря на старца. – Откуда здесь взялся такому чуду?

– Здесь долгое время правила королевская династия, командир. Это её заслуга.

– Твоими бы устами да мёд пить, прапорщик. Заговорил тебя дед. Встряхнись, приди в себя. Кто эти люди?

– Виноват, – спохватился прапорщик. – Это беженцы. Семья – отец, сын и дочь. Переходили границу с нашим караваном. Отстали по пути.

– Зачем они здесь?

– Хотят попасть в Кабул. Отец – ремесленник, знатный кузнец. Имеет виды открыть своё дело в столице.

– Что в мешках? Кузнечное оборудование?

Прапорщик задал вопрос кузнецу и вслед за ним начал отвечать.

– Мука, сухофрукты... Что? А, половина груза – это наш бакшиш, подарок, командир.

Внезапно из темноты послышался шорох. Раздалось недовольное блеяние. На тропе показался Куманёв, ведущий за собой упирающуюся козу.

– Они хотят знать, что с ними будет, – отвлёк лейтенанта от занимательного зрелища прапорщик.

– Они догадываются кто мы? – спросил Дёмин.

– Думаю, нет.

– Обещай им общий ночлег, наше гостеприимство и радушие. А дальше – видно будет.

Сын и дочь молча и внимательно выслушали отца. Кузнец Сулейман поведал сорокалетнему Касыму и семнадцатилетней Мадине, что всё худшее позади. Всевышний проявил заботу о них. Добрые люди, лишь с виду кажущиеся разбойниками, будут сопровождать и охранять их на дальнейшем пути. Дети приняли отцовские слова на веру. Препровождённые с караванной тропы на дно каменной впадины, они постарались расстаться со всеми страхами и занялись своими походными обязанностями. Лошади были развьючены, накормлены, напоены, спутаны с козой. Вязанка хвороста дала жизнь костру. В казане, подвешенным над огнём, начала готовиться кукурузная каша. Трое путников, сев вокруг костра, приняли смиренный вид и положились на волю Всевышнего.

Лунный свет, озаряя ночное затишье, струился сверху. Языки пламени, взмывая ввысь, тянулись ему навстречу. Смотря в огонь, лейтенант мучился поисками истины. Кто перед ним – контра, её приспешники или вправду невинные мирные люди? Мельком он бросал взгляды на Сулеймана и Касыма, дольше задерживался на дочери в парандже. Неверный свет костра и луны, отражаясь от трёх скитальцев, говорил: всё возможно.

– Почему они сбежали с родины? – спросил он у прапорщика.

Архимед перевёл вопрос Сулейману. Старец ответил.

– Не надо, – отмахнулся лейтенант от перевода. – Я знаю ответ. Искали лучшей доли. А сейчас, когда Апрельская революция дала свои плоды, жизнь налаживается, они тут как тут. Готовы пользоваться всеми благами. Кузнец Сулейман и сыновья.

– Под паранджой женщина, командир, – вмешался прапорщик. – Я ручаюсь.

Лейтенант не обратил внимания на замечание.

– Я не знаю, кто ты, дядя, – сказал он Сулейману. – Свой ты или чужой. Но я душой чувствую – надо нам провести эту ночь здесь рядом с тобой. Утро вечера мудренее.

Кузнец внимательно выслушал лейтенанта. Лицо его отразило сопереживание. Казалось, и ему тоже не требовалось перевода. Произнеся вслух несколько слов, он умылся ладошками.

– Солнце полый халата не закроешь, – дублируя, сказал прапорщик.

Лейтенант пристально уставился на старца. Кузнец выдержал его взгляд.

– Мы поняли друг друга, – закончил разговор лейтенант. – Архимед!

– Я!

– Сегодня голод важнее каши. Береги себя. Смотри в оба.

Предраассветный час. Тишина. Мир торжествует на посту. Мгла рассеивается. Уходят прочь вчерашние события, страхи и тревоги. Беспокойство уступает место покою.

Крик вырвал его из тьмы. Сон исчез. Он открыл глаза. Распятый на камнях – навстречу взмаху кинжала. Удар нёсся прямо в сердце, считываясь по кадрам – неимоверно длинной и замедленной реальностью. Кинжал был близок, рассекая воздух, он жаждал встречи с плотью и не было ему преград, но в последний момент Олег успел сгруппироваться, принять

позу зародыша и защитить сердце. Удар пришёлся в щит. Колени встретили запястье, пальцы разжались, клинок выпал из руки. Спасаясь, Олег покатился прочь.

Погоня в считанные мгновения настигла его. Звериной силой обрушилась сверху. Положила на лопатки и, одолевая, начала душить. Сопrotивляясь, он попытался сбросить её. Увы – единственные помощники в этой позиции – ноги, махающие в воздухе подобно крыльям ветряной мельницы, были бессильны. Душитель находился слишком низко. Хрипя, Олег выгнулся дугой, собрался и использовал последнюю уловку приговорённого. Плевок. Реакция приподняла душителя. И ноги не подвели. Мах. Смыкаясь перед врагом, они отжали его назад вместе с захватом. Места поменялись. Теперь Олег находился в седле. Не стоило испытывать судьбу и тянуть время. И рядовой поспешил одержать победу над своим противником без удушения, одним движением, быстро и решительно, как учили – переломом шейных позвонков.

Со стороны впадины донеслась стрельба.

Подъём. Бег.

– Свешников!

Олег очнулся. Он стоял посреди места ночёвки. Дух жестокого побоища витал вокруг. У догорающего костра лежали трупы четырёх душманов. Архимед, склонясь, быстро и сноровисто обыскивал каждого. Сверху над противоположным краем впадины, фиксируя всё напряжённым взглядом сквозь автоматный прицел, маячил Куманёв. Сулейман, Касым и Мадина, обнявшись, жались к лошадям. Лейтенант стоял перед ним.

– Заснул на посту, Свешников? – спросил командир. Лицо его было бесстрастно. Глаза горели.

– Виноват, – ответил Олег.

– Гм... Виноват. А в чём ещё твоя вина?

– Кричу во сне, – потупился солдат.

Лейтенант поднял глаза в небо.

– Крик крику рознь. Однажды гуси своим криком спасли Рим. История повторяется. Ты закричал вовремя, рядовой.

Они шли без передышки несколько часов. Когда солнце разогрело воздух так, что от дыхания стало горячо в горле, лейтенант дал знак остановиться. Лошади, коза, четверо вооружённых и трое гражданских застыли на месте. Позади была дорога на Кабул. Впереди – песчаные холмы. Вестники огнедышащей пустыни.

Сулейман и прапорщик затеяли разговор между собой. Оба были оживлены и многословны. Спустя несколько минут прапорщик поспешил донести до лейтенанта суть диалога.

– Старик говорит, слышал дрожь земли ночью. Как будто с гор движется железная лавина.

– И что теперь? – хмуро отозвался лейтенант. – Ему это приснилось. Какое нам до этого дело? Почему нас это должно волновать?

– Должно волновать. Старик говорит, сон – это распечатанное письмо Бога.

Лейтенант подошёл вплотную к старику.

– Ты свободен, Сулейман, – сказал он. – Утро оказалось мудренее ночи. Уходи.

Выслушав перевод, старик отрицательно покачал головой. Он поднял руку и вытянул указательный палец в направлении оставленной караванной тропы. Лейтенант оглянулся. Три струйки дыма зловещим предзнаменованием поднимались в небо вдаль. Обратная дорога находилась под чужим контролем.

– Совсем распоясались джинны, – молвил Дёмин. – Сначала был один, теперь их уже трое.

Он перевёл взгляд на прапорщика.

– Пора принимать меры. Ставь мины, Архимед.

Золотое правило разведки – жить настоящим. Самое безопасное хранилище для всех потерь и подвигов – забвение. Только находясь на определённой дистанции от них, полностью отрешённым, можно продолжать оставаться в форме и двигаться навстречу будущему. Лейтенант был спокоен за своих разведчиков. Грязные, оборванные, донельзя исхудавшие, они уже мало чем походили на солдат. Но дух не сдавался, сердца стучали, терпение, сила и выносливость настоящих местных кочевников отличали их. Пусть дуют враждебные ветра из-за кордона. Идут караваны. Неуголима жажда садиться им на хвост.

День становился всё ярче. Градус марева повышался. Тень близ вертикальной одинокой скалы, представляя собой надёжное убежище от солнца, дала путникам возможность отбросить все тяготы и заботы похода, остановиться и обрести пусть временную, но долгожданную благодать.

Лошади и коза лежали. Люди сидели кругом. Старый Сулейман развязал один из мешков и через дочь Мадину принялся раздавать сухофрукты. Первым угощение принял лейтенант. Кивком поблагодарив девушку, он удовлетворился малым. Сержант поспешил воспользоваться моментом, прикинулся большим дитятей и с хитрой миной на лице выманил целый дождь солнечных даров. Часть их тут же сунул за щёку, остальные рассовал по потайным местам – до лучших времён. Олег получил свою долю из рук Мадины последним. Пытаясь разглядеть хотя бы малую искру жизни под паранджой, забыл сомкнуть ладони и просыпал угощение. Виня себя за оплошность, бросился на колени и начал исправляться, собирая сухофрукты с таким трепетом и жаром, словно те были бесценными жемчужинами. Найдены и собраны были все дары. Герой заслуживал награды. Однако так и не дождался её. Паранджа, укрывающая девушку, осталась непроницаема.

Старик завязал свой мешок. Прошептав короткую молитву, умылся ладонями и сел в круг.

– Как дела, Сулейман? – спросил прапорщик, перекатывая горсть янтарной кураги в руках.

– Слава Всевышнему, – кивнул старик.

– Ты с нами до конца или как?

– С вами.

– Впереди большие испытания.

– Человек рождён для борьбы, – сказал Сулейман. – Преодолевая испытания, он становится ближе к Богу.

– Подумай о своих детях. Им было бы намного спокойнее в Кабуле.

– Порой обходной путь вернее прямого.

– Боишься душманов?

– На всё воля Аллаха. Благодаря ему и вам прошлой ночью мы остались живы.

– Душманы не оставят нас в покое. Они будут идти по нашим следам и ночью, и днём.

– Мы разделим все тяготы этого пути.

– Хорошо, как знаешь. – Прапорщик перевёл взгляд на Мадину. Глаза его потеплели. – Пусть твоя дочь не боится нас, – произнёс он. – Она под надёжной охраной. Мы видели и знаем женщин.

Сулейман промолчал.

Лейтенант осторожно сплюнул косточку в кулак.

– Архимед, – позвал он.

– Я! – откликнулся тот.

– Какие новости?

– Всё спокойно. Гражданское население выказывает нам полное и безоговорочное доверие.

– Хорошо.

– Какие планы на вечер, командир?

– Гуляем.

– Понял.

– Надеюсь, эта вольность нам зачтётся.

– Предчувствуете важную встречу?

– Судя по всему, ушедший караван был и вправду мирный. Оружие на подходе.

– Как мы предупредим наших?

– Ракетами. Уйдём краем пустыни на безопасное расстояние, найдём чистое небо и...

– Помянем нашу радиостанцию! – подхватил, оживляясь, прапорщик.

– Точно.

Идя руслом высохшего ручья, Мадина искала зелёный корм для козы. Земля выглядела бесплодной. У небольшой прозрачной лужицы, задумавшись, она остановилась. Села и, приподняв забрало своей глухой непроницаемой одежды, склонилась над поверхностью воды.

Многонационально женское лицо Афганистана. Мадина, дочь Сулеймана, унаследовала причудливое смешение кровей – иранской, пуштунской, туркменской... Дикарка родом с острова Таити, сошедшая с полотен великого Гогена, богиня естественной женственности и красоты, гордая и вольная, отразилась в зеркале Природы.

Живописала кисть. Эти мягкие выразительные черты, живя, дыша и блистая солнцем, рождали чувства. Однако предопределена судьба Мадины. Жестоки местные обычаи. Любовь здесь издревле выбирает сердце, мужа – отец. Одно будущее у неё – работать не покладая рук, хранить себя и ждать достойного выкупа – калыма. Пшеничноволоосый «шурави», оберегающий её в пути, – пришелец из чужого мира.

– Мадина!

Услышав оклик брата, она спохватилась, прикрыла лицо и поднялась.

– Я нашёл траву для козы, – подвёл итог поискам Касым. – Пойдём.

Редкий подножный корм был отрадой для проголодавшейся козы. Дав ей возможность насытиться досыта, брат и сестра не пожалели времени и повернули к месту привала лишь в тот момент, когда чувство голода не на шутку начало одолевать их самих. Оживлённый разговор встретил их. Сулейман и прапорщик, потерявшись в мире слов, искали путь навстречу друг другу. Лейтенант, прислушиваясь к голосам, чистил автомат. Быстрый взгляд Мадины обнаружил отсутствие «шурави». Тот вместе со своим крепким товарищем вновь нёс службу на посту. Девушка поспешила к отцу. Кисть остановилась. Зеркало, запечатлевшее таитянку, пошло рябью, утратило опору и, обретая иную природу, устремилось простой водой в песок. Внушающая с детства страх и уважение отцовская натура возымела своё. Дочь вернулась на место. Покорная, невинная и безлика.

Прапорщик уставился на девушку, осмотрел её с головы до ног и, поморщившись, отвернулся.

– У паранджи не женское лицо, – заметил он вслух. – Это же форменное насилие над личностью.

– Мы живём по законам наших предков, – отозвался Сулейман. – Не нам судить об этом.

– В Кабуле другая жизнь, – сказал прапорщик. – Большинство женщин ходит с открытыми лицами, в платьях.

Сулейман не успел ответить. Внезапно издали донёлся мощный гул. Нарастая, он сотряс землю и пространство. Все, как по команде, подняли головы вверх. Высоко в небе, оставляя белый след, летели два реактивных «МИГ».

– Ваши, – сказал Сулейман, провожая взглядом самолёты.

– Да, – откликнулся прапорщик. И, уловив в голосе старика некую безысходность, с жаром продолжил: – Школы, детские сады, больницы. Электричество, нефть, газ, вода. Тоннель через Гиндукуш – Саланг... Тоже – наши.

Старик промолчал. Небо, покорённое человеком, в его стариковских глазах теряло всю прежнюю чистоту и святость. Он опустил голову, пожевал губами и, грозно поведя бровями в сторону дочери, велел:

– Чаю, Мадина!

Чай получился отменный. Деля пополам вкус, аромат и силу свежего горячего напитка, старик и прапорщик вернулись на землю и заговорили вновь. Слово за слово бывшее взаимопонимание было восстановлено.

Зной. Солнце замерло в зените. Плывут волны жара над камнями. Потусторонний вечный покой царит вокруг. Утомлённый однообразием мёртвой панорамы сержант прервал наблюдение и, скользнув вниз, присоединился к товарищу, сидящему на дне прохладной расщелины. Рядовой перечитывал старое письмо из дома, сосредоточенно уткнувшись в потрёпанные страницы. Несколько минут Куманёв провёл в немом созерцании товарища. Тот не подавал никаких надежд, целиком занятый своим делом. Скука вновь с прежней силой одолела сержанта.

– Свеча, – позвал он. – Брось молчать. Спой.

– «Духи» услышат, – рассеянно отозвался Свешников.

Сержант усмехнулся.

– Сначала мы их услышим – по нашим минам. Брось ваньку валять, спой.

– Что, полюбился ленинградский рок, сибирская душа? – поднял глаза Олег.

– Ага, – признался Кум. – Цепляет за живое.

– Цепляет, – согласился Олег, откладывая письмо. – Это не просто музыка. Как пишет газета «Советская Культура», рок – это братство одиночек, нашедших свет внутри себя.

– Во как! – восхитился сержант.

– Да. Если на рок-концерте вырубается электричество, люди не уходят, они начинают петь вместе с музыкантами. Так было на моей памяти с группой «Кино». Мы пели, пока электричество не включилось вновь.

– Спой, Свеча, – подхватил Кум. – А я тебе подпою.

– Сейчас не время для концерта. Мы же на посту.

– Знаю, – вздохнул сержант. – От этого песни ещё больше хочется.

– Споём. Сменимся и – споём. Обещаю.

Кум махнул рукой.

– Что пишут из дома? – спросил он.

– Пишут, скоро праздник. Восьмое марта. Готовятся встречать весну.

Кум поднял глаза в небо, зажмурил один глаз, потом другой.

– Не помню весну, – мрачно сказал он. – Была весна и – нету. Выжигает всю память Афган.

– Могу почитать тебе про весну, – предложил Олег. – Только не обессудь – наша весна совсем не та, что в ваших краях.

Сержант хмуро уставился на рядового.

– Весна везде одинакова, – сказал он. – Только имена у неё разные. Здесь и сейчас она рядится в покрыва дочери Сулеймана – Мадины.

Олег, улыбаясь, кивнул.

– А ты бы хотел увидеть её лицо?

– Так, ради любопытства, – пожал плечами сержант. – Вообще-то, мне это без надобности. Меня на гражданке целых пять вёсен дожидаются. Все натуральные, без обмана – Оля, Катя, Гуля, Саша и Тамара.

– Мне вчера прапорщик велел шефство взять над Мудиной, – признался Олег. – Следить, чтобы не отрывалась от коллектива.

– Дерзай, – откликнулся Куманёв. – Шефствуй. Только учти, она – женщина Востока. Чуть увлечёшься и – всё.

– Что значит – всё?

– Чудак. Открытое чужаку лицо – позор семье. Сулейман потребует расплаты.

– Чем же мне расплатиться? – растерялся Олег.

– Архимед говорил в ближайших горных кишлаках невеста стоит двести тысяч афгани. Почти столько душманы дают за нашего капитана. Один советский рубль равен пятнадцати афгани. Считай не считай – Мадина тебе не по карману, рядовой.

– Ну и пусть, – нахмурился Олег. – Что на ней одной свет клином сошёлся?

– Не спеши отступать. Как ты говорил, рок – это братство одиночек? Вот и действуй, братайся. Конечно, что-то дельное из этого вряд ли получится, но зато нас, своих товарищей, ты точно развлечёшь.

– Кум!

– Да?

– А я не буду петь по твоему заказу. Понял?

Кум вздохнул.

– А куда ты денешься? Посмотри по сторонам. Кругом камни и песок. Чем ещё заняться здесь простому солдату?

Сержант оказался прав. Возвращение из дозора стоило обретения жизни. Едва увидев вдали знакомые черты – стоящую и ласково треплющую по шее лошадь Мадину – Олег позабыл и про усталость, и про службу, и про пустыню. Свет загорелся внутри, озарил его всего и, размыкая уста, словами песни устремился наружу. Шедший впереди Кум остановился, оглянулся и в изумлении молча уступил дорогу.

О, это странное место – Камчатка.

О, это сладкое слово – Камчатка.

Но на этой земле я не вижу тебя,

Я не вижу твоих кораблей.

Я не вижу реки, я не вижу моста,

Я пытаюсь найти лошадей.

О, это странное место – Камчатка.

О, это сладкое слово – Камчатка...

(Текст песни Виктора Цоя «Камчатка»)

Глава третья

Лейтенант передвигался быстро и бесшумно – по-кошачьи. Ночной мрак был оживлён. Свет, шум и человеческая речь роились где-то впереди. Они сближались.

Душманская разведка представляла собой большой отряд пеших и конных. Припав к огромному плоскому камню, подобно ящерице перед броском, лейтенант замер. Не более ста метров отделяли его от кишашей врагами ложбины. Бряцание оружия, лучи электрических фонарей, топот множества ног, разговоры между собой и механические отклики рации – одержимая средневековая орда просеивала собой пространство. Границы движения росли, марш распространялся в стороны. Вскоре лейтенант оказался на его пути. Предвосхищая неминуемую встречу, он сел и снял обувь с одной ноги. Прижимая босую ступню к груди, принял вид убогого.

Встреча не принесла неожиданностей. Убожество как ветром сдуло. Подняв на ноги, придав боевого духа и харизмы, орда вернула ему способность к передвижению.

Ничто так не сближает как общая цель. Объединившись с «соплеменниками», лейтенант сковал язык, открыл глаза пошире и наострил уши. Безопасность была гарантирована до утра. И он был готов помучаться.

Ночь. На переднем крае бодрствующий Архимед. Животные и люди спят. Юноша и девушка коротают время сном с открытыми глазами. Между ними пропасть – день, год, век бежать – не обежать. Но её рука находится в его руке, глаза обоих устремлены в небо, две души, вознесясь над земной суетой, узнают друг друга. Два мира. Две судьбы. Два слова. Олег и Мадина.

Ночь праздника. Глаза открыты. Витает звёзды в поднебесье... Важно успеть проснуться вовремя.

Первая остановка. Каменная стена на пути. Прозвучала команда. По реакции задрывшего вверх голову товарища лейтенант понял: приказано подниматься. Он начал было искать глазами приметы безопасного пути вокруг, как вдруг его товарищ, презрев опасность, с проворством и мастерством прирождённого альпиниста бросился вперёд на скалу. Не стоило тратить время попусту. Отчаянный пример призывал проявить мужество и устремиться следом.

Душманский бог оказался милостив. Руки и ноги не подвели – путём подающего надежды спортсмена лейтенант одолел скалу. Отдохнуть не удалось. Снизу прозвучала новая команда. Резче и требовательнее первой. Тяжело дыша, лейтенант и душман уставились друг на друга. Момент требовал общения. Словарный запас лейтенанта был на нуле, душманский, вскипая эмоциями, был готов прорваться неудержимым потоком наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.